

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К17

Rocky Callen

A BREATH TOO LATE

Text copyright © 2020 Rocky Callen

Published in 2020 by Henry Holt

Published by arrangement with Pippin Properties Inc.
through Rights People, London and The Van Lear Agency.

Каллен, Роки.

К17 До последнего вздоха / Каллен Роки ; [перевод с английского И. Ю. Шаповал]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с. — (Young Adult. Важные книги для молодёжи).

ISBN 978-5-04-112679-7

У меня не осталось надежды. На следующий день после своей смерти я взглянула на окружающий мир, навсегда покинув свое тело. Моя память превратилась в осколки, которые я отчаянно пытаюсь собрать заново.

Моя мама — настоящая певчая птичка, которая мечтала вырваться из тесной клетки. Глаза моего отца всегда полны печали, а кулаки сжаты от ярости. Светловолосый парень по имени Август — лучик солнца, состоящий из ярких красок и глупых улыбок. Именно он дарил мне радостные моменты, которые освещали мои мрачные дни. Я не помню, почему совершила самый ужасный поступок в своей жизни и оставила этих людей. Но я полна решимости узнать правду.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Шаповал И.Ю., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112679-7

*Для тех, кто блуждает во тьме.
Не забывайте, что звезды светят и для вас.*

Предупреждение: в данном романе содержится описание сцен физического насилия, поднимаются темы суицида и депрессии.

От автора

Каждый день кто-нибудь совершает самоубийство. Каждую минуту. По статистике каждый год около миллиона человек расстаётся с жизнью.

Миллион чьих-то отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, которые чувствуют себя потерянными и считают, что у них не осталось надежды.

В этом романе не будет счастливого конца. Он посвящен прекрасным и ужасным моментам, из которых состоит жизнь, возможностям, которые существуют даже в самых темных уголках и которые мы иногда просто не видим.

Я прошу вас смотреть внимательнее, смотреть глубже, быть смелыми и настойчивыми в поисках надежды. Потому что вы прекрасны и нужны этому миру.

Более десяти лет я проработала психотерапевтом. С детства я борюсь с хронической депрессией. Мне также приходилось сталкиваться с эпизодами физического насилия, которые так и остались в тайне. Мы все переживаем бесконечно разный опыт и оттенки боли и в каждой конкретной ситуации свои сложности.

Но если однажды сказать правду вслух, ее уже нельзя будет запереть в темном углу. А правда состоит в том, что бывают дни, когда я чувствую себя непобедимой, когда мои карманы набиты солнечным светом, а мир полон возможностей. Но также бывают дни, когда мне кажется, что к моим щиколоткам привязали якоря, и я тону, и никто этого не видит.

Я написала эту книгу, потому что мне было это необходимо. Когда мне было одиннадцать, я чуть не сделала такой же выбор, как Элли. Но всякий раз, когда я терялась в лабиринтах собственной боли и страданий, я выбиралась из них и обнаруживала, что меня ждет жизнь. Моя жизнь, которую я хотела сохранить.

Будучи психотерапевтом, я не раз становилась свидетелем невероятной силы и крепости человеческого духа.

Работа и жизнь показали мне: во тьме можно найти надежду. Иногда депрессия накрывает меня, и я становлюсь ее заложницей, но я твердо верю, что завтрашний день значит многое. И я продолжаю бдительно следить за моим психическим и эмоциональным здоровьем, чтобы обрести свободу.

Я написала эту книгу для людей, которые скрывают свою боль; для тех, кто закрыл свои сердца и двери; для тех, кто может не увидеть тянущиеся им навстречу лучи надежды.

Книга не может вместить в себя все, что я хочу сказать, но она может стать напоминанием, что тебе не обязательно переживать все в одиночку, что существует помощь, которая ждет тебя, и что существует один-единственный способ повлиять на статистику суицида и домашнего насилия — сказать об этом вслух и рассказать свою историю.

Эта книга посвящается всем Элли этого мира, потерянным, обделенным вниманием, лечащим свои сердца и балансирующим на грани между надеждой и болью.

И если это ты, то я тебя вижу. Прошу, не уходи. Я говорю это тебе (потому что мне часто приходится напоминать это себе самой): ты нужен этому миру.

1

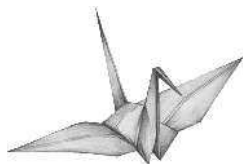
Смерть,

тьма поглощает последнюю толику моего сознания, и я понимаю, что сожалею.

Ты не прекрасная, не свободная и не романтическая – не такая, какой тебя описывают в романах. Ты девочка, у которой не осталось надежды, которая слишком поздно поняла, что хочет жить. Я думала, ты спасешь меня, Смерть.

Но ты лгунья.

Как и все остальные.

2

Жизнь,

ты слишком тихая. Но это не та тишина, в которой можно найти покой. Это удушающее безмолвие, которое расползается во все стороны, как лужа крови; пустота, которая глумится над тобой, издевается, поедает взглядом, пока от тебя не останутся одни кости.

Прошлой ночью мне приснился ужасный сон, но я его почти не помню. Я не могу справиться с мыслями. Сон кажется чем-то далеким, покрытым пеленой тумана, но он беспокоит меня. Он протягивает ко мне руку и манит к себе пальцем. Я не реагирую.

В комнате все еще темно, слишком темно. Наверное, будильник уже прозвенел.

Я протираю глаза и бесшумно подхожу к двери. Мне нравится спускаться на первый этаж раньше мамы и отца. Я щелкаю выключателем в коридоре и моргаю. Темно. Почему все равно темно? Быть мо-

жет, лампочка перегорела или мама снова забыла заплатить за электричество. Я тихо ругаюсь. Шаги мои легкие — я стараюсь опираться всем весом на перила, чтобы ступени не скрипели. Я снова тру глаза руками. Должно быть, я еще не до конца проснулась, потому что все вокруг выглядит странно.

Я задеваю стеклянный шар со снегом — сувенир с Аляски, стоящий на туалетном столике у лестницы, — и быстро протягиваю руку, чтобы поймать его, но он и не думал падать. Я озадаченно моргаю, потом поворачиваю за угол и громко выдыхаю.

Мама и отец уже на кухне, сидят в темноте.

Я потираю плечо ладонью и захожу в комнату. Они не поднимают глаз. Как и всегда. Я специально иду длинным путем к кухонным шкафчикам, потому что, если пойду напрямую от двери, зацеплю стул отца. Я обхожу стол, протискиваюсь за спиной матери. Регина. Ее имя означает «царица», но при взгляде на нее ни о чем подобном не думаешь. Ее высокая фигура втиснута в небольшое пространство, где ей не место.

Я смотрю на нее и вздрагиваю. Что-то случилось, что-то страшное. Она похожа на труп, молчаливая, неподвижная. На ее лице черные и голубые разводы, как будто она уже разлагается. На ней нет макияжа. Она никогда не спускается, не накрасившись, не замаскировав свои синяки. Никогда.

Мне хочется ненавидеть ее, но я не могу.

Я просачиваюсь за ее стулом и, прежде чем сесть, заглядываю в шкафчики. Я хочу спросить, почему они сидят в темноте. Но я не хочу первая нарушать тишину, разбивать ее на крошечные осколки. Потому что тишина, по крайней мере, не может причинить боль. Я держу рот на замке.

Неудивительно, что мне нравится жесткий хэви-метал. Солисты могут кричать, пока не охрипнут, в то время как мое собственное горло сохнет и болит от того, что я очень редко издаю какие-либо звуки. Отец сидит у стола, ждет. Наблюдает. Глаза мамы опущены.

Она хлопает носом.

Я настораживаюсь. Она никогда ни за что не пикнет... даже когда до моей спальни доносятся шлепки и удары, даже когда он врежет ей со всей силы. Ни стоны, ни звука.

Я смотрю на нее внимательно. Ее белки налиты кровью. Ее кожа, наряду с обычными черными, синими и исчезающими желтыми пятнами, покрыта красным. Ее веки так опухли, что глаз почти не видно. Я хочу дотронуться до ее руки, но сдерживаюсь.

Что бы ни пыталось ее сломать, меня это не сломит. Эта мысль въелась мне в голову, хоть мне и стыдно за нее. Я все еще наблюдаю за мамой из-под опущенных ресниц и замечаю, что она держит что-то в руках. Я пытаюсь рассмотреть, что именно. Плюшевого мишку с оторванным и болтающимся на нитке глазом в крошечной футболке с надписью: «В БАЛТИМОРЕ МЕНЯ ЛЮБЯТ».

Она заходила в мою комнату. Медведь сидел у меня на кровати, рядом с подушкой. Я хочу вырвать его у нее из рук. Я уже тянусь за ним, как вдруг мама снова хлопает, а потом издает гортанный, булькающий звук. Она затаила дыхание, чтобы подавить плач. Но у нее не слишком хорошо получается.

Отец смотрит на нее. Круговым движением отводит назад плечи со своей фирменной медлительностью и вдумчивостью, а затем наклоняется над столом.